

*Алексей
Золкин*

новая рубрика: дурдом

два рассказа

Родился (1968) в Иванове.
После учёбы
в Ивановском энергетическом
институте работал прорабом,
администратором
театра, журналистом,
сценаристом.
В 2002 году
переехал
в Казань.
Один из создателей
Музея казанских
легенд и сказок

Папуасы Огненной Воды

ГУЛЯЛ я как-то по городу, скучал. Вдруг – одноклассник навстречу, Мишка Услонский. Идёт такой в ментовской форме, а глаза при этом абсолютно сумасшедшие. И что-то под нос себе бормочет. Увидел меня – и, как родному, обрадовался. Ни «здравствуй», ни «как дела?», сходу, в лоб:

– Юрка, пить будешь?!!

Я сообщил, что вот как раз сегодня денег у меня нет, но буквально на днях ожидается огромный финансовый

приток, вот тогда-то уж я тоже угощу, а пока...

Всё это мой одноклассник выслушал молча, затем махнул рукой: дескать, пошли – и двинулся к ближайшему магазину. Взял там литр водки, сыр-колбасу-хлеб, стаканчики одноразовые и сок томатный. Вышли уже из магазина, тут он что-то посчитал про себя, вернулся и ещё литр взял.

Расположились мы на скамейке в ближайшем сквере близ памятника

каким-то бомбистам-подпольщикам. Мишка налил по полному стакану и, не чокаясь, залпом заглотив свой. Ну, а я чем хуже! А он сразу налил по второму стакану. И так же – залпом, молча, не закусывая. Тут уж я хотел возмутиться, типа, зачем гнать-то, нужно наслаждаться каждой секундой бытия, как Мишка крикнул и сказал, наконец, первое слово:

– Тля-я!!!

А потом уже на надрыве, протяжно:

– Тля! Тля!!! Тля зелёная!!!

Вижу, плохо с парнем, как мог утешить попытался. Типа, не горюй, брат, всякое случается. И взяв инициативу в свои руки, налил по чуть-чуть. Выпили, Мишка закусил. И поспокойней уже, видать, подействовала водка, спрашивает то ли меня, то ли сам себя:

– Все ведь пьют! Вот я пью, ты, Юрка, пьёшь... Но мы ж людьми остаёмся. А эти... Ну как так можно-то?

Я говорю:

– Дружище, не врубаюсь, о чём ты! Расскажи толком – что случилось?!

Ну и за выпивкой на скамейке в тени революционного монумента поведал мне Мишка о своей печали.

А дело всё в том, что трудился мой одноклассник участковым в Слободе. Слобода – это район частных домов на окраине Ыйска. Но не начавших появляться новорусских замков. И даже не крепких крестьянских изб. А этаких сараюшек-развалюшек, преимущественно довоенной постройки.

Слобода – это обособленный мир, замкнутая экосистема. Можно было родиться в Слободе, вырасти в Слободе, состариться и умереть в Слободе, при этом ни разу не побывав не только в каких-нибудь Парижах-Лондонах-Москвах, но даже в центральной части Ыйска. Ибо не фиг там и делать.

В Слободе имелась галантерейная фабрика для женского труда и загадочный Ремизо-бердочный завод для мужиков. Что такое ремизы и берды, точно не знал никто, включая тех, кто их делал. Известно было лишь, что они металлические.

Основой экономики Слободы был натуральный обмен. Всякая хрень обменивалась на самогон и другую всякую хрень. Большинство браков совершались тут же, в Слободе. Если в остальном Ыйске жили преимущественно гопники, то в Слободе жили только гопники. Поэтому подругу или друга по интересам сподручнее было искать именно здесь. Пили в Слободе все, включая домашних кошек и собак.

Работа участкового здесь была нервно-тупой. Целыми днями Мишка принимал заявления по мотивам семейных ссор, чтоб на следующий день отдать их заявительницам обратно. Совместно с операми разбирал драки и кражи. Да снаряжал народ в путешествия, поскольку единственным туроператором для Слободы было МВД. Воровали в Слободе напрапалу и попадались всегда. Ну, убивали, конечно, как без этого!.. Но без всякой фантазии и интересности. Короче, чепуха всякая. До тех пор, пока не случилась эта история.

Жила-была стандартная слободская семья – пятидесятилетняя мать и двое её детей от разных отцов – сын тридцати лет и дочка двадцати пяти. Конечно, выпивали и не работали нигде. Но вот дочка замуж типа вышла за мужика с соседней улицы. Ну как уж замуж, пили там, у него, и всё прочее... да так и остались вместе жить. Вроде как мужик положительный, на Ремизобердочном работал, мебель из дома не пропивал, сидел только один раз и то по молодости.

Так и жили на соседних улицах пару лет. В гости друг к другу ходили – праздники отметить, просто побухать. Идиллия! И вот накануне Первомая этот самый зять, ничего жене своей не сказавши, забрёл после работы, с вечерней смены, к теще с шурином. Просто – самогонки испить. А в процессе испития крепко поссорился он с жёнкиным братом. Почему – история умалчивает. Может, не сошлись во мнениях, кто лучший художник – Моне или Мане; может, разные взгляды на экспансионистскую

политику Кортеса оказались – кто знает, не суть. Суть же в том, что шурин зятя своего зарезал. Наглухо. В принципе, нормальный для Слободы финал дискуссии двух интеллигентных людей, ничего особенного. Замочив родственничка, он ещё побухал с мамашей и вырубился.

А проснувшись утром, озаботился – куда девать труп. Поскольку в зону в данный момент настроения ехать чёй-то не было, не допил, не догулял ещё...

Герой наш не лаптем щи хлебал, культурностям всяким был обучен посредством просмотра видака у соседей. Поэтому, как во всех детективах инструктировали, решил труп сначала на куски порезать. Чтоб легче избавляться было. Оттащил в сарайку и начал рубить.

А душа-то плачет после вчерашнего, организм болеет. Выпить охота, но на что – неизвестно. Продавать нечего, всё давно пропито уже. И тут ему в голову приходит светлая мысль, что зять его бывший – это сейчас, в сущности, мясо. Туша разделочная. Короче, отрубает он от жмурика изрядный кусок, очищает от кожи и костей и тащит эту вырезку к бабке-самогонщице через два дома. Бабке той полунамёками втирает, что экспроприировал у армян на другом конце Слободы барана и вот, не возьмёт ли она мяса по дешёвке. Мясо отборное, но армяне в поиске пропажи, так что надо побыстрее избавиться.

В итоге успешной коммерческой операции становится наш герой обладателем скольких-то бутылок самогона. Бежит к мамаше, там хвастается умом своим и находчивостью, мамаша его хвалит, вместе пьют. Тут соседка заходит:

– Слыхала, вы мясом недорогоим торгуете, бараниной...

– Торгуем, давай деньги, щас усё будет!

Ну и пошло-поехало. Семейный бизнес: сын тушу разделяет, очищает; мамка мясо по соседям продаёт. И пьют всё время, конечно. В какой-то момент щёлкает в мозгу, а чёй-то все соседи

жрут, а мы – нет, чё мы хуже других, от коллектива отделяемся, запаadlo, что ли, с народом вместе быть! Ну и начинают себе на закуску из бывшего зятя всякие котлеты – эскалопы мастрячить.

Сеструха же этого кулинару тем временем мужа хватилась. Друзей, знакомых, собутыльников его обошла, на работу сбегала – нет мужа, пропал. Написала она заяву в ментовку и пришла к маменьке поплакаться. А у мамыши пир горой, самогонки не мерено и полный стол мясной закуски. Выпили, поели, погоревали вместе, мамаша с братом посочувствовали. А на дорожку вручили ей гостинец – пузырь самогона и кусок баранины. Пришла девица домой, хлебнула ещё с горя, да и решила чего-нибудь мясного сварганить. Глядь – а на баранине татуировка... И задумалась девушка. О том, что не так уж много татуированных баранов на белом свете живёт. Точнее, баранов-то татуированных, конечно, много, но всё больше в аллегорическом, а не физическом смысле. Да и наколочка знакомая – у мужа такая же была... Ну и дошло до неё. И побежала она в милицию.

Раскрыли в итоге это преступление за полчаса. Ну, минут за сорок-час добиралась опергруппа до мясного цеха и ещё десять минут дружно блевала от увиденного. Всё в сараюшке и валялось – голова, другие бесполезные – не мясные – части тела, содранная кожа... Да и убивец-то не отпирался, ибо очень

пьяный был. Убил, говорит, за дело, а что на закуску пустил, так зачем добру пропадать. Тем более – хорошее мясо, все соседи едят и не нарадуются.

...Второй раз отправилась блевать опергруппа в полном составе.

Убивца закрыли тут же, конечно. А вот матушку его оставили на свободе. Всё, что на неё было – так это недоносительство, больше ничего доказанного. И никакая прокуратура не даст санкцию на арест одинокой женщины, вся вина которой состоит в том, что не настучала на собственного сына.

А зря... Потому что информация по этому делу как-то просочилась наружу и дошла до племени невольных слободских каннибалов. И уже который день соседи пытаются линчевать мамашку, раз до сыночка не добраться. А милиция её круглосуточно от самосуда охраняет. Вот, собственно, с такой охранной вахты и возвращался Мишка, когда я его встретил. А Мишка не опер, не убийщик. Он тихий интеллигентный человек. Он сам не видел ни отрубленную головы, ничего другого... Но ночь дежурства при мамаше-людоедке настолько потрясла его нежную душу, что, даже скушав второй стакан, он ещё не пришёл в себя.

Я сочувствовал и утешал одноклассника как мог. В конце концов, Мишка вроде как расслабился, поклялся мне в вечной дружбе, долго благодарил за понимание. На том и расстались. Слегка ощущая себя полинезийцами какими или папуасами.